

Алексей Георгиевич Степанов

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Чебоксары, Россия
e-mail: stalex73@bk.ru

Смысл истории в культуре (деятельностный подход)

Аннотация. Воспроизведение истории в параметрах культуры составляет базовое условие самоидентификации субъектом специфики собственного бытия. История в параметрах культуры — это не столько отражение событий социальной эволюции, сколько комплекс актуализации институций существования, определенных в качестве экзистенциально значимых. Социокультурный формат бытия человека фундирует историю в качестве универсалии, обеспечивающей целостность его экзистенции. Являясь фундаментальным параметром существования, история реализуется в качестве феномена, специфика которого заключается в его атрибутивности процессам воспроизводства человекомерных параметров существования. Смысл истории в качестве экзистенциальной универсалии заключается в соединении пространств культуры, деятельности и существования, синтез которых и составляет пространство жизненного мира субъекта. Историческая форма отражения экзистенции представляет собой процедуру обоснования ее смыслов (социальных, духовных, логических, нравственных, эстетических), востребованных императивами культуры. Формат истории имманентен сознанию, структуры которого изначально предназначены производству смысла бытия.

Ключевые слова: история, культура, деятельность, ценности, экзистенция.

Alexey G. Stepanov

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of National and Universal History, Cheboksary, Russia
e-mail: stalex73@bk.ru

The Meaning of History in Culture (Activity Approach)

Abstract. Reproduction of history in the parameters of culture is a basic condition for the subject's self-identification of the specifics of his own being. History in the parameters of culture is not so much a reflection of the events of social evolution as a complex of actualisation of institutions of existence defined as existentially significant. The socio-cultural format of human existence funds history as a universal that ensures the integrity of his existence. Being a fundamental parameter of existence, history is realised as a phenomenon, the specificity of which lies in its attribution to the processes of reproduction of human-dimensional parameters of existence. The meaning of history as an existential universal lies in the connection of the spaces of culture, activity and existence, the synthesis of which constitutes the space of the subject's life world. The historical form of reflection of existence is a procedure for substantiating its meanings (social, spiritual, logical, moral, aesthetic), demanded by the imperatives of culture. The format of history is immanent to consciousness, the structures of which are initially intended to produce the meaning of being.

Keywords: history, culture, activity, values, existence.

Введение (Introduction)

Методологические ресурсы оценки исторических нарративов обусловлены не столько предметными или теоретическими ориентациями исследователя, сколько многоуровневой сложностью реалий исторического процесса и систем его отражения. Технологии отражения эволюции социальной жизни в социально-гуманитарных науках и в философских концепциях не содержат однозначных подходов к процессам организации картины социально-исторической реальности. При том что вопросы определения сущности человека и, следовательно, смыслов

его экзистенции возможно решить только в параметрах освоения ретроспективы способов его существования. Обращение к модусу прошедшего предоставляет ресурсы форматирования представлений о необходимой организации экзистенциального настоящего и определения перспектив его будущего.

Методы (Methods)

Отражение истории в параметрах культуры мы связываем с ресурсами деятельностного подхода, смысл которого состоит в безусловной сопряженности специфики человеческого

существования, ее ценностных ориентаций и смыслов. Эвристическое значение деятельностного подхода к анализу культуры заключается в актуализации созидательно-творческого формата существования как ее субстанционального основания — причины, условия, фона и критерия. В заданном ракурсе деятельность предстает в качестве всеобъемлющей платформы экзистенции, развертывающей себя в интегральном единстве идеального и материального, субъективного и объективного форматов существования. Форматируя сущее в параметрах культуры, субъект создает систему, опосредующую его взаимодействие с начальными состояниями природы, общества и мышления. Деятельностный подход, очевидно, представляет собой метод универсальной редукции вне биологических форм активности к системам экзистенциальной определенности субъекта.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Специфика бытия человека определена имманентной включенностью смыслов в содержание его деятельности: «Люди живут в мире смыслов... Мы воспринимаем действительность всегда через призму смысла. ...Жизнь ставит этот вопрос (о смысле. — А. С.) перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него» [1, S. 14] (перевод наш. — А. С.). Рациональная интерпретация деятельности (описание, понимание, объяснение, смыслополагание) — основополагающий признак рефлексии социального уровня. Деятельность человекомерна, а человек деятелен: «Если... искать для человека лаконично-однословное определение, способное указать на главное его отличие от всех других живых существ, то вместо таких формул, как *Homo sapiens* (человек разумный) или *Homo faber* (человек создающий), *Homo loquens* (человек говорящий) или *Homo ludens* (человек играющий)... мы предложили бы определение *Homo agens*, т. е. *действующий человек*» [2, с. 5]. Особенностью деятельностного способа экзистенции является осознанно-рациональное отношение как к самому феномену существования, так и к средствам его реализации.

Деятельность, форматованная когнитивно-эвристическим творчеством субъекта и обусловленная его стремлением к преодолению пассивно-приспособительных способов бытия, является демонстрацией сущности человека. Воспроизводя деятельность как сущность, человек инициирует создание уникальной сферы существования — культуры. «Культура присутствует во всем, что сделано человеком, сказано, написано или промыслено им» [3, с. 35]. Деятельность, направленная на производство человеческого в человеке, образует социально-антропологическую платформу культуры.

В предельно общем смысле культура представляет собой комплекс ресурсов (предметов, технологий, приоритетов), обеспечивающих воспроизведение человеком себя как системы, реализующей формат существования, противоположный формам естественно-природной (несоциальной) активности. При этом культура — это не только отрицание биологического начала, это прежде всего всеобъемлющая программа актуализации сущности человека действующего — *Homo agens*.

Содержание естественно-биологических структур организации человека является предпосылочным фактором становления институтов культурной экзистенции. Люди априори обладают конституцией, приспособленной для реализации социокуль-

турного способа бытия: «...Благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы» [4, с. 594]. Преодоление ограниченности естественно-природных институций посредством их трансформации в социальные системы жизнеутверждения составляет объективную сторону возникновения культуры.

Антропная соразмерность обуславливает систему культурных стандартов: «Можно сказать даже больше: культура есть то, что делает человека человеком. <...> ...Основные антропологические характеристики человека, начиная от прямохождения и кончая артикулированной речью, ...являются феноменами культуры» [5, с. 54]. Другими словами, неразрывная сопряженность культуры и деятельности составляет определяющую сторону бытия человека как социального существа.

Отмеченное положение нашло отражение в концептах, где культура характеризуется, во-первых, в качестве имманентной составляющей деятельности. В частности, К. Маркс предлагает выделить три вида культурной активности: практическую (изменение предмета труда), теоретическую (производство знаний) и духовно-практическую (искусство) [6].

Во-вторых, культура рассматривается как результат человеческой деятельности, которая принципиально противоположна формам природной активности. А. Крёбер отмечал: «Эти продукты творчества и составляют то, что мы называем культурой» [7].

В-третьих, под культурой понимается технологическая специфика взаимодействия человека с природой, самим собой, другими людьми и артефактами социальной деятельности. Э. С. Маркарян рассматривает культуру как «...специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей...» [8, с. 117].

В-четвертых, культура определяется как форма диалога человека с миром, который М. Бахтин рассматривает как рефлексивно-смысловую структуру, охватывающую бесконечные способы интеллигибельного взаимодействия субъекта с собой, обществом и природой: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее)» [9, с. 373].

В предложенных дефинициях отражены аспекты культуры, определяющие стержневые стороны человекомерного существования. Культура позиционируется в качестве институциональной структуры социализированного субъекта, стремящегося к экзистенциальной определенности, при этом культура — это не деятельность вообще, результатом которой становится некоторый продукт, это атрибут деятельности, актуализирующий определенные ее качества. Социальные, аксиологические, технологические свойства культуры являют собой формат выражения деятельности как субстанции экзистенции. Культура не является ни целью, ни основанием, ни конечным смыслом деятельности, но представляет собой формат ее воплощения в технологиях экзистенции.

В таком ракурсе культура очевидно экстернальна, она возникает, существует и развивается не ради себя самой, а создается системами самореализации субъекта, который выражает себя не только в сфере производства средств существования, но и в организации его условий. В пространстве культуры формируется осознание оппозиций и брэнности существования и обретение его смыслов: «Культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих... продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих... характер человеческого бытия» [10, с. 10]. В сфере культуры человек реализуется одновременно и как причина, и как следствие своего бытия. Человеческое поведение — функция культуры. Если изменяется культура, изменяется и поведение [11, с. 146]. Культура, выраженная в способах и результатах деятельности, присутствует во всем, что создано человеком, вследствие чего ее возможно интерпретировать «как систему информационных кодов, закрепляющих... опыт... деятельности, поведения и общения» [12, с. 48].

Уровень присвоения феноменов культуры является атрибутивным фактором самоопределения субъекта. Обуславливая технологию взаимодействия человека с вызовами бытия, культура задает условия его самореализации и одновременно выступает и в качестве условия, и в качестве стимула его существования. Создавая мир культуры (мир явлений, противоположный природе), субъект инициирует форматизацию значений культурных явлений, соотношенных со смыслом существования. Экзистенциальный контекст культуры предполагает включение в содержание мировоззрения не только рационально-прагматических институций, но и модусов их актуальности. Человек осознает определенность экзистенциального выбора (решение пограничной ситуации) посредством сопоставления значимости элементов культуры: «Система различных видов человеческой деятельности складывается из дискретных актов преобразования объектов и превращения продуктов одной деятельности в компоненты другой» [13, с. 39]. Человеку требуется подтверждение актуальности своей экзистенции, что, в свою очередь, определяет параметры культуры существования. В предложенном ракурсе культура предстает в качестве фактора корреляции объект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия, параметры которого в аспекте экзистенции выражены в категории «жизненный мир».

Качественная определенность деятельности обуславливает комплекс реакций на вызовы существования, что, в свою очередь, является основанием для становления системы культурных рефлексий, выражающихся в смыслах, содержаниях, формах, которые могут как совпадать, быть тождественными, пересекаться, так и противопоставляться друг другу и взаимоисключаться: «Одни... относят к культуре лишь *творческую деятельность*, другие, polemизируя с этим положением, включают в нее все виды человеческой деятельности, независимо от характера получаемого результата» [14, с. 67]. Развитие деятельностного способа существования, усложнение его видов неизбежно ведут к расширению перечня рефлексивных операций, инициируют их дифференциацию, систематизацию и иерархизацию. Таким образом, поиск адекватного ответа на вызо-

вы как обусловлен культурой, так и обуславливает ход ее дальнейшего развития.

Правила деятельностного (социокультурного) бытия образуют область институций воспроизводства способов экзистенции — сферы ценностей — системы культурных предпочтений. Актуализация элементов деятельности как ценности и принципы их оценки составляют пространство культуры. Ценности в широком смысле возникают вследствие достижения социокультурной деятельностью определенного уровня: «Развитие способности разумного существа ставить перед собой любые цели вообще... есть *культура*» [15, с. 305]. Становление человека деятельностного — *Ното агенс* — де-факто является формированием в его сознании приоритетов жизнедеятельности — ценностных предпочтений. И. Кант, отмечая очевидную корреляцию понятий «культура» и «ценности», сопрягает их с достижением субъектом формата социальности, указывая, что значение культуры обусловлено общественной значимостью социализированного субъекта. Оценочное отношение к миру, согласно немецкому классику, есть атрибут бытия разумных существ, критерий человекомерного освоения существующего; а его последователи из баденской школы вообще соотносят состоятельность философии как высшего уровня теоретической рефлексии о предельных основаниях экзистенции только с возможностью «истолковывать смысл человеческой жизни на основе учения о значащих ценностях» [16, с. 365].

Теория ценностей в предельно общем смысле концептуально делится на направление, определяющее культуру в качестве атрибутивного комплекса социального способа бытия (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, П. Сорокин); и концепт, постулирующий множественность самобытных культурных форм (В. Дильтей, Г. Зиммель). Каждый из подходов культивирует ценности как императивы экзистенции, содержание которых составляют значимые для субъекта институции деятельностной активности: «**Ценности** стоят за любым искусственным порядком и фактически являются его неотъемлемой частью» [17, с. 154]. Культура в самом общем смысле есть сфера производства экзистенциальных ценностей.

Специфика культуры состоит в трансформации объективной потребности в небологическом способе существования в субъективную программу его реализации, и в этом смысле ценности имманентны конструктам деятельностной рефлексии. Поскольку субстанциональной основой ценностей является деятельность, то очевидно, что структура аксиологического пространства определяется ее содержанием. Технологии деятельности, перспективы ее реализации обуславливают значения ценности в качестве элемента экзистенции. Ценность возникает как феномен необходимого, имеющего смысл только в контексте экзистенциальной потребности в определенном (феноменальном, ноуменальном, аксиологическом) качестве освоения бытия, и выражает себя в значении (*gelten*), постулируемом субъектом. Сфера ценностей представляет собой особенный мир значений, образованный отношением субъекта к реалиям бытия, смыслы которых формируются активацией экзистенциальных потребностей. Значения неразрывно связаны с определенной технологией существования, позволяющей инициировать определенные виды деятельности, обеспечивающие воспроизведение экзистенциально необходимого. Значения конституируются

в качестве ценности посредством их включенности в жизненный мир субъекта, соизмеряющего собственное бытие с определенной культурной парадигмой, в соответствии с которой организуется существование.

Деятельность, культура и ценности изначально не одно и то же, но человек, воспроизводящий свое существование в параметрах социального ответа на вызовы бытия, интегрирует их на уровне истории: «Слово *история* означает в нашем языке как объективную, так и субъективную сторону, как *historiam rerum gestarum*, так и самые *res gestas*, — им обозначается как то, что совершалось, так и историческое повествование» [18, с. 58]. Соединение отмеченных значений в одном понятии следует признать выражением их общей основы — культуры экзистенции, включающей в себя деятельность по производству ценностей и формы ее отражения. История — это система идей, аккумулирующая формат становления ценностей деятельности и смыслов культуры, которые открываются и присваиваются субъектом в качестве необходимых институтов существования. История образует то, что Я. Асман определяет как «коннективную структуру» — связующее звено, создающее общее пространство смыслов прошлого, настоящего и будущего как в социальном, так и временном измерении [19].

Заключение (Conclusion)

В онтологическом смысле бытие исторического обусловлено темпоральной модальностью становления культурных приоритетов. Определив ценностное значение бытия, субъект удерживает в сознании форматы их обретения, порождая тем самым структуры «негенетической» памяти, так как опыт социальной экзистенции не может быть реализован в программах естественно-биологической адаптации. Освоение

процессов становления культуры в темпоральной проекции является результатом аккумуляции материала, обеспечивающего понимание субъектом ценности существования.

Способность к вычленению модусов времени и установлению системы корреляций настоящих состояний с прошлым и прошлого с настоящими обуславливает возможность истории как формы организации культурной памяти. Историческое сознание начинается с определения смыслов культуры, заданных в ракурсе решения проблемы — как ценность стала культурой. Организация модели становления ценностей в проекции модусов времени неизбежно связана с отражением логики этого процесса. В сущности, история представляет собой форму конституализации смыслов, принципов и результатов технологий существования. В истории отражаются этапы организации экзистенциально значимого, что обеспечивает необходимый формат их обоснования: «...то, что в динамике своей описывается как история, в статике — называется культурой; и наоборот: то, что в статике — культура, в динамике — история. А в содержательном смысле... это одно и то же» [20, с. 94], и в этом смысле история — это всегда история культуры. Историческая форма отражения становления культуры экзистенции представляет собой процедуру обоснования ее смыслов (социальных, духовных, логических, нравственных, эстетических), востребованных настоящим. Формат истории имманентен сознанию, структуры которого изначально предназначены производству смысла бытия.

Истории произведена сознанием, которое интерпретирует феномены становления в параметрах их экзистенциальных значений. Историческое сознание представляет собой уровень ценностного обоснования экзистенции. В связи с этим история представляет собой универсальную институцию бытия человека в пространстве культуры.

1. Adler A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Bd. 2 : 1930–1932. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1982. 285 S.
2. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М. : Политиздат, 1974. 328 с.
3. Флиер А. Я. Культурный аспект человеческой деятельности // Вестник культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 35–41.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Госполитиздат, 1959. 700 с.
5. Ойзерман Т. И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 51–62.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Электрон. версия. URL: <https://web.archive.org/web/20090209214251/www.geocities.com/CapitolHill/1041/literatura/efr/efr.html> (дата обращения: 24.01.2025).
7. Крёбер А. Стиль и цивилизации // Abuss.narod.ru : [сайт]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kroeber2.htm> (дата обращения: 24.04.2025).
8. Маркарян Э. Теория культуры и современная наука: (Логико-методологический анализ). М. : Мысль, 1983. 284 с.
9. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.
10. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 376 с.
11. Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 141–156.
12. Степин В. С. Человек. Деятельность. Культура. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2018. 796 с.
13. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. 407 с.
14. Межуев В. М. Культура и история. М. : Политиздат, 1977. 199 с.
15. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 365 с.
16. Риккерт Г. О системе ценностей. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 443 с.
17. Бауман З. Мыслить социологически. М. : Аспект Пресс, 1996. 254 с.
18. Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. Т. 8 : Философия истории / пер. с нем. А. М. Воден. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. 468 с.
19. Assmann J. Religion and Cultural Memory. Ten Studies. California : Stanford University Press, 2006. 222 p.
20. Флиер А. Я. Культурология как историческая наука // Личность. Культура. Общество. 2004. № 3. С. 94–104.